

ИЗ ПОЧТЫ “ОНС”

Г.А. БАЛЛ

Общественное благо “оборона” и нравственный долг

По мнению автора, оборону как общественное благо следует рассматривать не изолированно, а как компонент внешней безопасности государства. Именно по отношению к цели ее обеспечения следует оценивать эффективность реализуемых государством стратегий. Обосновывается прагматическая ценность соблюдения моральных норм.

Ключевые слова: общественные блага, оборона, внешняя безопасность государства, оптимальная стратегия, гуманитарные ограничители насилия, моральные нормы, нравственный долг.

As the author thinks, the defense, as a public good, should be considered not in an isolated way but as a component of the state's external security. It is in the relation to the aim of its enduring that the efficiency of strategies realized by the state should be measured. Pragmatic value of obeying the moral norms is argued.

Keywords: public goods, defense, state's external security, optimal strategy, humanitarian confiners of violation, moral norms, moral duty.

В статье [Яновский, Затковецкий, 2013] рассмотрены процессы, играющие важную роль в жизни современных социумов. В частности, авторы проследили представляющие интерес соотношения между политическими предпочтениями электората и распределением бюджетных средств на оборонные и социальные нужды. С интересом ознакомившись с изложенной в статье аргументацией, я в то же время считаю необходимым возразить авторам по ряду моментов.

1. К Яновский и И. Затковецкий не уделяют внимания соблюдению ясных соответствий между используемыми терминами и предметами, которые эти термины обозначают. Под “обороной” в одних случаях подразумевается вся деятельность, финансируемая военным бюджетом государства, в других “оборона” противопоставляется “нападению”. Говоря же о “нападении”, авторы не проводят различия между реализацией наступательной стратегии в уже идущей войне и агрессией, попирающей международное право и вроде бы общепринятые моральные нормы. (Учитывая неоднозначность многих военно-политических ситуаций, бывает трудно провести четкую грань между указанными типами событий. Но эти трудности не оправдывают пренебрежения принципиальным различием таких типов.)

2. В основе концепции обсуждаемой статьи – рассмотрение “обороны” (понимаемой как деятельность, финансируемая военным бюджетом) в качестве “чистого общественного блага”. Вопрос, однако, в том, является ли оно самодостаточным, заслуживающим изолированного рассмотрения. Ведь сами по себе содержание и совершенствование армии, военной инфраструктуры и т.п. никакую насущную потребность граждан страны не удовлетворяют. Действительным благом уместнее, видимо, считать внешнюю безопасность государства (как одну из состав-

ляющих национальной безопасности), а свершения вооруженных сил и наработки “военного строительства” – всего лишь средства достижения этого блага – как правило, необходимыми в современном мире, но отнюдь не достаточными. Впрочем, авторы статьи сами пишут о том, что в рамках “пацифистского” подхода «дипломатия и помощь “развивающимся” странам призваны решать проблемы безопасности вместо устрашения военной мощью» [Яновский, Затковецкий, 2013, с. 23]. Так разве плохо, если удастся именно так решать эти проблемы? Правда, авторы подчеркивают важность не только накопления, но и применения оружия – чтобы создать “эффект реальности угрозы” – и сетуют на то, что от “пацифистского” подхода выигрывают нерадивые чиновники, не обеспечивающие хорошего снабжения армии, а также “генералы и офицеры, избегающие риска и не способные добиваться победы в ходе военных действий” [Яновский, Затковецкий, 2013]. Это, видимо, так, но еще больше выигрывают военнотруженики и мирные граждане, которые остаются живы благодаря тому, что оружие не применяется.

Несомненно, в армии, долгое время (или никогда) не воюющей, возникают серьезные профессиональные и психологические проблемы. Они требуют внимания и побуждают к разработке и внедрению в практику альтернативных методов поддержания боеготовности. Но допустимо ли считать эти проблемы достаточным аргументом в пользу инициирования войны?

Что же касается оптимальной стратегии обеспечения (в том числе финансового) внешней безопасности государства, то, исходя из принципов системного подхода, такая стратегия должна предполагать скоординированное использование различных средств ради достижения поставленной цели. При этом практически неизбежной платой за приближение к оптимальности на более высоком системном уровне будет отход от нее на подчиненных уровнях. В таких условиях констатируемое авторами «устойчивое отклонение выбираемых стратегий поставки чистого общественного блага “оборона” от оптимальных» [Яновский, Затковецкий, 2013, с. 20] вполне закономерно. Прилагать усилия к уменьшению этого отклонения уместно лишь в рамках соблюдения приоритетности более общей цели.

Данный принцип актуален в весьма распространенных ситуациях, когда, например, осуществляемая государством *A* модернизация вооружений, обоснованная с военно-технической и экономической точек зрения, воспринимается государством *B* как угроза и провоцирует его ответные меры, вследствие которых внешняя безопасность государства *A* оказывается в конечном итоге ниже, чем до начала модернизации. Чтобы вырваться из подобного порочного круга, великие державы пришли в XX в. к необходимости совмещать наращивание и совершенствование вооружений с соглашениями об их ограничении.

3. За внешней логичностью, рациональностью рассуждений Яновского и Затковецкого подчас таится неадекватность этих рассуждений на более глубоком уровне. Почему, спрашивают авторы, «в ядерной войне не может быть победителей», когда очевидно, что может быть?» [Яновский, Затковецкий, 2013, с. 19]. Формально они правы. При обмене ядерными ударами, ограниченными по их мощности, времени и охвату территории, вполне возможно, что одной из сторон удастся достичь решающего перевеса, достаточного для достижения целей войны, обойдясь без катастрофических последствий для природной среды и человеческой цивилизации. Но все-таки, каков риск!

Похоже, дело в том, что процитированный авторами тезис представляет собой идеологему, публицистическую гиперболу, подходящую для антивоенной пропаганды, но не выдерживающую испытания рациональным анализом. Так что глашатаям процитированного лозунга можно адресовать упрек: современный гуманизм должен быть рационалистичным (см. [Балл, 2013^a]). Но авторы обсуждаемой статьи заслуживают, по-моему, более жесткого упрека. В самом деле, опровергнуть процитированный тезис не стоит большого труда. Но много ли пользы в таком опровержении? Стоит ли гордость авторов за интеллектуальное посрамление незадачливых пацифистов той моральной ответственности, которую они берут на себя, способствуя снятию табу на ядерную войну?

4. Яновский и Затковецкий не без оснований сетуют на то, насколько мешают военным успешно делать свое дело такие реалии современности, как “невероятная популярность пацифизма” и идейно созвучные ей документы международного права, как, например, Протокол от 8 июня 1977 г., вводящий ответственность за “непропорциональное применение силы” [Яновский, Затковецкий, 2013, с. 21, 23]. Но следует, по-моему, исходить из того фундаментального обстоятельства, что упомянутые ментальные и юридические реалии – элементы того гуманитарного противовеса совершенствованию военных и прочих разрушающих технологий, усиление которого, согласно обоснованному А. Назаретяном закону техно-гуманитарного баланса, служит необходимой предпосылкой выживания человечества [Назаретян, 2008].

Конечно, неравномерность внедрения в практику гуманитарных ограничителей насилия (когда, в частности, стороны конфликта существенно различаются по степени использования таких ограничителей) приводит к тому, что те или иные из них могут сыграть в конкретных ситуациях деструктивную роль. Такие ситуации упоминаются в статье, и они заслуживают

отдельного анализа. Но такой анализ должен быть системным и включенным в широкий контекст, предполагающий понимание фундаментальной значимости вышеуказанного “гуманитарного противовеса”.

5. Более всего обескураживает задаваемый Яновским и Затковецким вопрос: “почему недорогое нападение неприемлемо, а дорогая оборона терпима?” [Яновский, Затковецкий, 2013, с. 19–20]. По крайней мере если нападение трактовать как агрессию (а авторы избегают здесь ясности), это все равно что спросить: “Почему разбой и грабеж неприемлемы, а честный труд и цивилизованный бизнес приветствуются?”. Ведь краткосрочный экономический эффект от разбоя и грабежа гораздо выше.

К счастью, такой эффект соблазняет не всех. В этой связи следует подчеркнуть прагматическую (а не только духовную) ценность моральных норм. Обобщая разнообразный человеческий опыт, они помогают обойти трудности конкретного установления “подлинных” интересов субъектов социального взаимодействия и найти приемлемые способы действия в ситуациях с высокой степенью неопределенности. Как констатировал Назаретян на основании исследований экологов, экономистов, политологов, “по достижении некоторого оптимального объема информации, используемой в процессе выработки решения (количество учитываемых параметров, их системных зависимостей, временных масштабов прогнозирования), грамотные прагматические оценки смыкаются с нравственными” [Назаретян, 1991, с. 133].

В сущности, этот вывод не удивителен. Ведь почему тактическое преимущество приверженных злу стратегий социального поведения (достигаемое благодаря игнорированию моральных ограничений на выбор средств достижения целей) не приводит ко всеобщему торжеству зла? Потому что этому противостоит стратегическое превосходство добра, заключающееся в его сообразности с сущностными закономерностями бытия – сообразности, которой лишено зло. Как писал М. Рубинштейн, “зло именно тем и отличается, что оно внутренне противоречиво, что оно само губит себя, что оно в конечном итоге противожизненно”; поэтому “вопрос о саморазоблачении для зла всегда есть более или менее вопрос времени” [Рубинштейн, 1927, с. 239, 240]. К сожалению, дожидаться такого саморазоблачения чаще всего нет возможности, так что приходится активно преодолевать зло.

6. Ознакомление с работой Яновского и Затковецкого лишний раз побуждает задуматься над состоянием этических составляющих общественного сознания (включая его философские и научные сегменты). К сожалению, в этой области недостает рациональных, взвешенных подходов, а преобладают крайности. С одной стороны, немало уважаемых философов продолжают отстаивать нравственный максимализм (требующий, например, ни при каких обстоятельствах не лгать; см. часть статей в сборнике [О праве... 2011]). И это несмотря на то, что ввиду неразрывной онтологической связанности добра и зла такой подход в принципе не может быть последовательно реализован; см. [Балл, 2013⁶] и способен играть конструктивную роль в культуре разве что как идеал – заведомо недостижимый, но такой, к которому следует по возможности приближаться. С другой стороны, гораздо большее число деятелей отмахиваются от моральных ограничений как от досадных помех, снижающих успешность их начинаний. Причем это касается не только практиков в военной, политической, экономической сферах, но, к сожалению, и ученых, в том числе обществоведов.

Зло нельзя полностью устранить. Нередко (в военной деятельности особенно) его приходится осуществлять намеренно. И это оправданно, если только так можно избежать неминуемого (или весьма вероятного) в противном случае большего зла. Но в любом случае зло можно и должно ограничивать, минимизировать. В этом состоит нравственный долг, которым никто не вправе пренебрегать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балл Г.А. Преодоление абсолютистской трактовки ценностных коллизий в контексте реализации смысла жизни // Психологические проблемы смысла жизни и акме: Материалы XVIII симпозиума. М., 2013б.

Балл Г.А. Радиогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии познания человека // Мир психологии. 2013а. № 3.

Назаретян А.П. Антропология насилия и культура самоорганизации. М., 2008.

Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1991.

О праве лгать. М., 2011.

Рубинштейн М.М. О смысле жизни. Ч. 2. Философия человека. М., 1927.

Яновский К.Э., Затковецкий И. Парадоксы государства налогоплательщика // Общественные науки и современность. 2013. № 3.